

§ 3. Леонид Николаевич Позняков (1892–1953) — собиратель архивных сокровищ

«... В то время все ждали раскрытия главных тайн человечества. На смену надеждам, естественно, пришло безысходное отчаяние. ... Другие, напротив, полагали, что прежде всего следует уничтожить бесполезные книги. Они врываются в хранилища, показывают свои мандаты, не всегда фальшивые, с отвращением листали книги и обрекали на уничтожение целые полки. Их гигиеническому, аскетическому пылу мы обязаны бессмысленной потерей миллионов книг... А я утверждаю, что Библиотека беспредельна».

Х.А. Борхес.
Вавилонская библиотека.

Из образованных и дееспособных знатоков старины в Курске и его области, к началу 1930-х годов уцелели буквально единицы. Поэтому нетрудно отобрать среди здешних персонажей фигуры, достаточно типичные для последующих отрезков эволюции провинциального краеведения. Хотя региональное самопознание с тех пор в конец децентрализовалось; идейно, методически измельчилось, *отдельные его представители* захотели и сумели хоть как-то противостоять спаду в любимом занятии, поддержать лучшие традиции региональной истории, археологии, этнографии. Даже в условиях официального запрета краеведческих объединений, будучи свидетелями арестов и расстрелов многих своих коллег по краеведческому движению.

Пусть первым будет *историк-архивист*, знаток письменных источников (Государственные архивы к тому времени стали обязательным элементом исполнительной власти на местах и на должностях архивистов в провинции скорее всего мог приютиться культурный исследователь старины).

Вторым в нижеследующем изложении пойдёт *научный сотрудник краеведческого музея*, устроитель его фондов и экспозиций (ответственности побольше, чем у архивиста, как никак дело публичное, но приспособиться к «политическому моменту» тоже возможно без особых потерь для интересов науки и культуры).

Третьим — *археолог*, ищущий и копающий следы далёкого прошлого региона (после Отечественной войны, где пораньше, где попозже, но в большинстве областей РСФСР нашлись и такие, как правило, одиночные представители полевой археологии — свято место столь лестного для романтиков и честолюбцев-бессребренников рода редко бывает совсем уж пусто; этих душевно грело и организационно поддерживало сотрудничество со столичными специалистами, которым на местах остро нужны были своего рода «квартирьеры», помощники для разведок и раскопок, хорошо знающие местность и людей).

«У стен, в глубоких и вместительных нишах, стояли взломанные дубовые сундуки; возле одного из них, под разбитой крышккой, Тэндальф увидел разорванную книгу. Нижний край книги обгорел, она была истыкана мечами или стрелами и заляпана бурыми пятнами – кровью. Тэндальф бережно поднял книгу и осторожно положил её на могилу Балина.

– Насколько я понимаю, – проговорил маг, – это летопись Балинского похода».

Дж. Р.Р. Толкиен.
Хранители. I, 5.

Итак, представителем первого типа советского краеведа той поры, когда краеведение в СССР оказалось под запретом, пойдёт у нас *архивист*. Леонид Николаевич Позняков (1892–1953) — уроженец Курска, выходец из весьма почтенного по возрасту дворянского рода. Через несколько войн и революций, с их пожарами, погромами и обысками, ссылками и расстрелами, Леонид Николаевич (Л.Н.) сохранил документ одного из своих предков — подлинное, с красной сургучной печатью «Свидетельство 1799 году ноября 21 дня ... от мушкетёрского полку, служившему в оном подпоручиком и по Высочайшему Его Императорского Величества [Павла I — С.Щ.] приказу ... отставленному от службы с награждением порутчиным чином Ивану Познякову»¹.

Отец будущего краеведа, Николай Алексеевич Позняков (1847 года рождения), не доучившись в Курском уездном училище, устроился служить мелким канцелярским чиновником. Видать, заставила семейная нужда. Всю жизнь он добросовестно тянул служилую лямку в Курске и Орле, дойдя, в конце концов, до заведования Курским лесничеством — заметный в масштабе губернии пост по Управлению казённых имуществ. В 1880 году молодой канцелярист женился на дочери генерал-майора, девице Поликсене Фёдоровне Фон-Шваненфельд, а на следующий год получил очередной чин титулярного советника². Почти как в известном романе на стихи П.И. Вейнберга³, только со счастливым концом.

Позняков-младший закончил Курскую гимназию, а затем физико-математическое отделение ближайшего — Харьковского университета. В годы Первой мировой войны призывался в действующую армию. После демобилизации пошёл сначала по отцовским стопам — гражданскую «службу начал в Курской казённой палате, а затем служил в разных учреждениях местных, как-то: Губсовхоз, Военком [санитарный отдел —

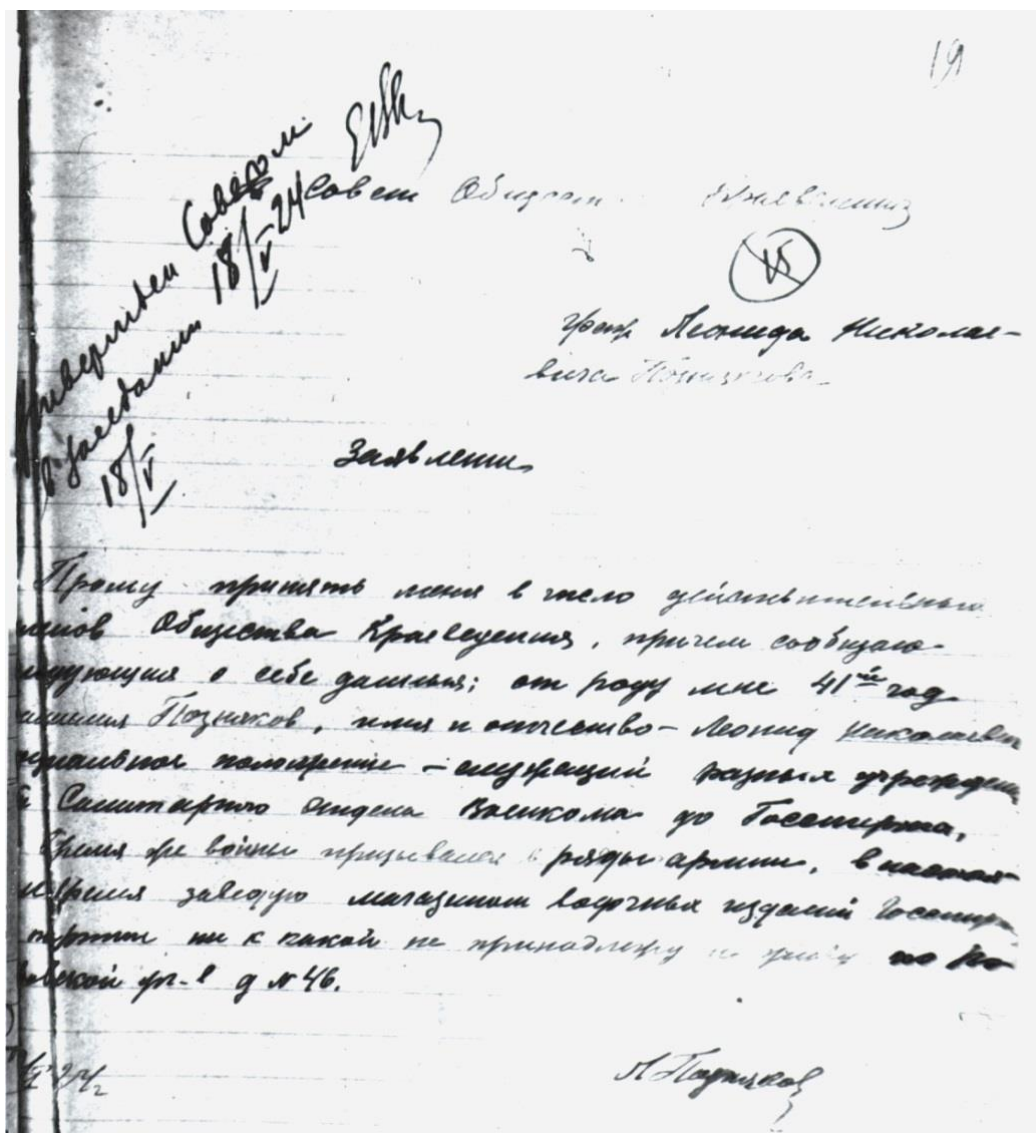
¹ ГАКО. Ф. Р-330. Оп. 2. Д. 71. Л. 9.

² Формулярный список о службе старшего запасного лесничего, надворного советника Н.А. Познякова. 1891 г. // Там же. Л. 1–2.

³ «Он был титулярный советник, / она генеральская дочь...»

С.Щ.], Рауспирт, Госспирт»⁴, — отмечалось им в анкете Общества краеведения 12 января 1924 года.

В члены этого общества он вступил, заведя магазином водочных изделий Госспирта. Но краеведы приняли его в свои ряды безоговорочно, даже с радостью, ведь серьёзный интерес к истории появился у тогдашнего совслужащего давно, «ввиду чего я состоял членом Курской Архивной комиссии приблизительно с 1908 г., — объяснял Л.Н. в той же анкете. — Для изучения я работал в Москве в Румянцевской библиотеке [ныне РГБ — С.Щ.], в Архиве министерства юстиции... [Ныне РГАДА — С.Щ.]».

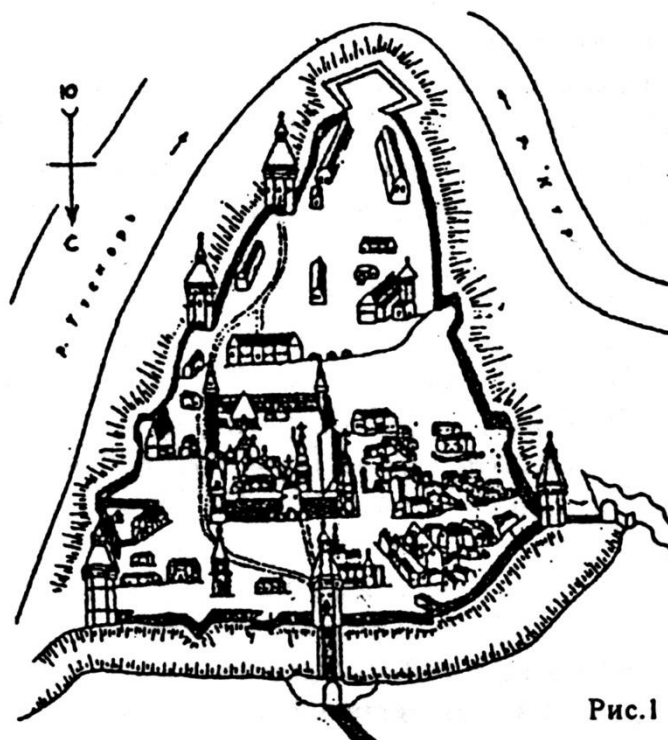

Заявление Л.Н. Познякова о приёме в члены Общества краеведения. 2 января 1924 г. (ТЯКО).

Извлечённый Л.Н. Позняковым из этого архива план Курской крепости XVII века был опубликован им в «Курском сборнике» Губернского статистического комитета за 1912 год — отменный литературный дебют для

⁴ Там же. Ф. Р-2633. Д. 55. Л. 20.

начинающего историка ⁵. Этот чертёж и подробная характеристика курских укреплений содержались в отписке здешнего воеводы Дмитрия Ивановича Плещеева за 1652 год.

Контур укреплений Курской крепости на 1652 г. (Курский сборник).

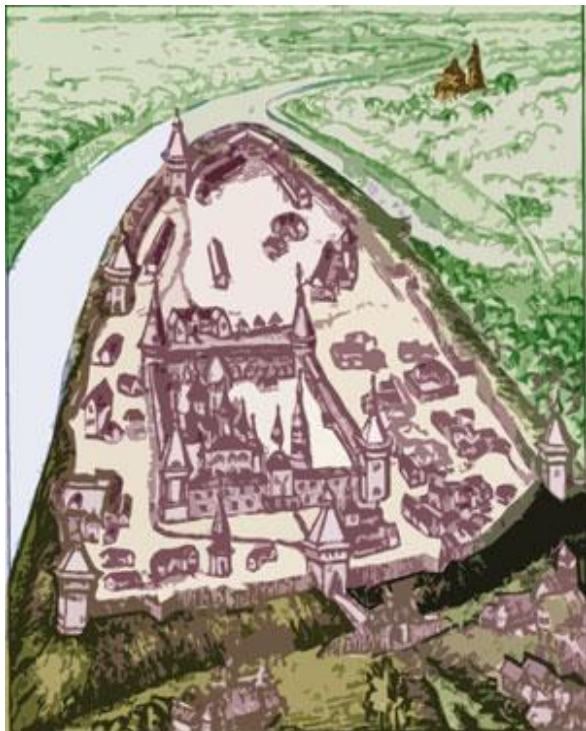
Этому плану суждено было стать «гвоздём» всех экспозиций Курского музея; выкопированный с него чертёж и реконструированный на его основе макет курского кремля неоднократно репродуцировались в краеведческих изданиях, став своего рода логотипом их ⁶.

При перепланировке и застройке основательно разрушенного бомбёжками центра Курска после Отечественной войны к первоплану обратились архитекторы и строители. «Шурфы, заложенные по данным старинного плана Курска, подтвердили наличие засыпанного крепостного рва в этом месте и затруднения в случае постройки», — с гордостью отмечал публикатор документа. Сухой ров с поля перед курской крепостью огибал её от речки Кура к реке Тускари и достигал внушительных размеров как в

⁵ См.: Позняков Л.Н. Курский острог (крепость) // Курский сборник. Вып. 6. Курск, 1912. С. 26–29; Его же. История застройки города Курска // Курский архив. 1932. № 1–2; 1933. № 1–3.

⁶ См.: Зорин А.В. Курская крепость XVII – начала XVIII в. // Грани гуманитарного знания. Сборник статей к 60-летию профессора Сергея Павловича Щавелёва. Курск, 2013. С. 125–131.

ширину (до 70 м), так и в глубину (около 15 м)⁷. Засыпали его только по ходу городской реформы Екатерины II в 1782 году — строительным мусором, так что грунт здесь получился зыбучим, выдерживал лишь деревянные постройки. Поэтому при восстановлении разрушенного войной центра города на этом месте довольно долго ничего не возводили.

*Курская крепость. План и макет.
Из экспозиции Курского областного музея археологии.*

А вот даровитый курский архитектор Марк Львович Теплицкий (1924–2009), проектируя очередной дом — по Красной площади 2/4, всю эту археологию не учёл и в результате по этому строению (с «крыльями» на фронте) в районе старинного рва прошла трещина, которую пришлось неоднократно латать. Прочитую любопытный комментарий этому градостроительному казусу, высказанный современным знатоком краеведения из молодых поколений — Артёмом Константиновым: «Любопытно, что Марк Львович до последнего лелеял надежду на создание ресторана, кафе на крыше дома под навесом-крылом. [Ведь] рядом с домом 2/4 был большой кинотеатр в здании Знаменского собора [«Октябрь»], парк имени 1 Мая. Да и само расположение кафе с панорамными окнами, на крыше здания, с которого была видна большая часть города, — всё это не могло выглядеть непривлекательно с точки зрения туризма. Возможно,

⁷ Следы рва (видны снизу на чертеже Д.И. Плещеева) были нащупаны раскопками Посеймской экспедиции В.В. Енукова в 1988, 1994 (с участием автора этих строк в качестве землекопа), 2001 и 2002 годах и проверялись методом геобурения с участием курских археологов.

судьба кафе была решена, когда дом дал осадку и по стенам поползли трещины. Может, были ещё какие-то причины. ... Из сопутствующих задумке кафе деталей сохранился неработающий лифт, встроенный в здание.

Как же поступил архитектор, зная о том, что никто не решается вести застройку на склоне холма на сложном грунте? Он предложил взять пробы грунта со всей территории застройки, установить ряд специальных маячков, показывающих: как ведёт себя грунт под давлением, и на основе этих данных вывел, что возведение дома указанной этажности возможно, если разместить его на фундаменте, опирающемся, в свою очередь, на подложку из утрамбованного песка, уложенного в котлован двухметровой глубины. В 1957 году, после того как проект строительства был рассмотрен и поддержан на архитектурно-техническом совете Академии строительства и архитектуры СССР (а в вопросах строительства отдельных домов к высшим инстанциям апеллировали не так часто), началось возведение дома, первая очередь которого была сдана уже в 1960-м, а вторая — в 1962 годах. Соответствуя эпохе, дом отказался от лепнины на фасадах, предусмотренной изначальным проектом, и приобрёл более конструктивистский облик.

*Дом с «крыльями Теплицкого» в процессе реконструкции.
Строительные леса над местом бывшего рва курского кремля
Сайт <http://old.rursk.ru>.*

Осадка дома на 36 см, против предполагаемых расчётами 10–12 сантиметров привела к возникновению в стенах дома трещин и крену здания в сторону двора. Жителей отселили, в здании начался капитальный ремонт. В 1984 году по проекту института «Курскгражданпроект» под фундамент дома подвели металлические, погружённые в грунт при помощи

домкратов, сваи, стены восстановили и в квартиры вернулись прежние хозяева. Каким образом на склоне держится более тяжёлое, новое высотное здание — я не знаю. Видимо, для нынешних технологий строительство дом на "мусорной яме" — не проблема»⁸.

Возобновившиеся в 1990-е и продолжающиеся поныне в связи с новыми стройками там же археологические исследования средневекового Курска, в свою очередь, учитывают уникальный картографический материал Л.Н. Познякова⁹.

Автору этих строк довелось в качестве землекопа бить шурфы в историческом центре города, когда Посеймская экспедиция В.В. Енукова искала «Курск в Курске», то есть Курск средневековый, его культурный слой, в Курске современном. Один из таких шурфов в Первомайском саду как раз и попал на бывший сухой ров Курской крепости, очерченный по старинному чертежу. До «материка» в том шурфе нам с напарником, студентом-историком Михаилом Денисовым дойти так и не удалось — на очередном метре углубления появилась угроза обрушения земли.

Так что открытый Позняковым древний план курских укреплений послужил и науке, и практике наших дней.

Душевные наклонности в конце концов победили соображения материальной выгоды, и Позняков перешёл-таки на архивную службу. К тому же «бывшему» человеку из дворян, чиновников в годы социалистической реконструкции за книжными полками было куда спокойнее, чем за торговым прилавком. Как видно по заголовкам курских газет 1920 – 1930-х годов, торговых работников «прорабатывали», «чистили» ожесточённое многих других категорий «совслужащих». Видимо, сказывалось озлобление людей хроническим дефицитом продовольствия и вообще предметов первой необходимости при советской власти. В роли «козлов отпущения» для обывателя нередко выступали продавцы да завмаги. Рабоче-крестьянская инспекция, похоже, вводила для них презумпцию виновности — в спекуляции дефицитом, утаивании продуктов для «своих».

Вот типичные для каждого из номеров «Курской правды» тех лет пассажи: «... На чистке работников прилавка присутствовало более 500 человек. Каждый магазин, назначенный к чистке, находился в защитительном окружении своей лавкомиссии. ... Такому безобразию должен быть положен конец. РКИ должна отбить охоту срывать работу комиссии»¹⁰ по чистке. Следом: «Проходящая сейчас чистка церабкоопа должна помочь

⁸ Константинов А. Теплицкий Михаил Львович. Первая прогулка по Курску // runawaytrain13.livejournal.com.

⁹ См.: Енуков В.В. О топографии Курска в древнерусское время // Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М., 1998; Енуков В.В., Енукова О.Н. Изучение древнего Курска и его округи // Археологические открытия 1997 г. М., 1999.

¹⁰ Денисенко. Лавкомиссии не помогают в чистке ЦРК // Курская правда. 1930. 8 июля. С. 4.

удалению вредных и бюрократившихся элементов и переброске в наши кооперативы свежих кадров из рабочих»¹¹. Вскоре: служивший когда-то в царской армии «гражданин» Потапович после окончания Гражданской войны «устроился в ликвидком ЦЧстроя, потом по совместительству попал в Гортоп, а затем в заготконтору Наркомснаба. Сосёт белогвардеец [? — С.Щ.] Потапович три учреждения и живет припеваючи, чувствует себя настолько “крепко”, что даже и своего друга торгаша и спекулянта Танкова устроил на работу в Гортоп с двухсотрублёвым окладом и квартиру Танкову дал в доме ЦЧстроя». Эта заметка озаглавлена «Потаповичу не место в совучреждении» и подписана «Наблюдатель». Примечание «от редакции» уже, что называется, «бьёт лежачего»: «Прокуратура должна немедленно расследовать факты, сообщённые в письме [доносчика-анонима — С.Щ.], и принять меры к увольнению Потаповича [таково решение не судей, а журналистов — С.Щ.]¹². И т.д., и т.п.

В закрытой церкви этого закрытого большевиками монастыря помещался курский Истарх при большевиках.

Благодаря разумно и вовремя уйдя из-под дамоклова меча чисток, Позняков с 1925 года и до конца жизни трудится (с небольшими перерывами) в Государственном архиве Курской области. Начав здесь с должности младшего, затем старшего научного сотрудника, он перед Отечественной

¹¹ Будем бить по недостаткам, укрепляя работу кооперации // Там же.

¹² Там же. 1933. 16 марта. С. 1.

войной стал авторитетным начальником отделения дореволюционных фондов. Вплоть до 1953 года, без малого тридцать лет провёл он присутственные часы в обветшавших зданиях бывших церквей — Ильинской, Нижне-Троицкой, где помещался тогда Областной исторический архив (называемый в советском обиходе Истархом); бумаги советского периода откладывались уже в другом областном архиве — Октябрьской революции (АОР).

Л.Н. Позняков в помещении Курского губернского архива («Истарха»), в здании закрытой Верхне-Троицкой церкви. Сотрудник в уличной одежде, поскольку помещение плохо поддавалось отоплению. Фото из фондов ГАКО.

Немцы, оккупировав Курск, постарались назначить в гражданскую администрацию тех её специалистов, кто не эвакуировался вместе с
622

партийно-хозяйственным активом. Так Позняков оказался директором архива и обеспечил работу мизерного коллектива сотрудников, добился сохранения большей части архивных фондов, в том числе советского периода. О старых бумагах в ветхой церкви советские чиновники, видимо, и не вспомнили накануне своего бегства из города осенью 1941 года.

По воспоминаниям очевидца — инженера Алексея Григорьевича Кепова (1891–1974), перед тем как оставить город, советские власти постарались сами уничтожить массу документов, как видно, в основном текущего делопроизводства партийно-государственных учреждений¹³. Защищать курский архив, прятать его часть от немцев Познякову помогала мужественная архивистка Варвара Тимофеевна Богданова¹⁴. Для молодого читателя стоит пояснить, что любая работа при немцах давала людям гарантию от угона в Германию (тем, кто помоложе) и какую-то норму снабжения хлебом. Что грозило при оккупации безработным, живописано в мемуарах одной курянки¹⁵.

Из хранилища старинных документов старого краеведа не смогли выжить ни полуграмотные начальники архивных служб из номенклатурных назначенцев; ни невежественные сотрудницы (в перепечатывавшихся ими материалах краеведа ему приходилось исправлять десятки ошибок, даже в столь важных при позднем сталинизме словах, как «*потриатизм*»); ни реальная опасность расстрела в условиях немецкой оккупации города; ни ужасные условия труда. Вот взятая наугад запись из служебного дневника архивиста за 1948, скорее всего, год: «Февраля 2. Печь дымилась и не согревала. [В здании архива] + 10 градусов. ... Ветер нанёс чаду в комнату. Все переместились в помещение переплётной. Копирки нет, а какая есть негодная. Печатать нельзя. ... Поставили маяки глиной в трёх местах. Заметно, что угол [старинного здания — С.Щ.] опустился на несколько сантиметров. Сквозь трещину в одном месте видна крыша»¹⁶.

Отмеченные невзгоды отчасти объясняют, почему *печатное и рукописное наследие Л.Н. Познякова* содержит массу компилятивных

¹³ «В начале августа жители увидели на улицах ряд автомашин, нагружённых папками с "делами" разных учреждений. Машины направлялись к котельным бань на улицах Дзержинского и Почтовой, где сжигались подвезённые документы. В течение многих дней носился по улицам пепел и не догоревшие полностью клочки бумаги» (Воспоминания А.Г. Кепова. Ч. 1 // warhistory.livejournal.com).

¹⁴ Непонятно, почему Л.Н. Познякова не репрессировали за работу при оккупантах. Должно быть, помогла приведённая мной версия архивистов ГАКО о том, что оставшиеся под немцами сотрудники во главе с Позняковым спрятали от немцев документы советского периода. Известно, что немцы полностью вывезли доставшийся им в целостности и сохранности Смоленский архив, и вероятно, не только его.

¹⁵ См.: *Щавелёв С.П.* «Под немецкой сворой...» Отрывки из дневника периода оккупации города Курска в 1941–1942 годах // *Городские известия*. 2014. № 17. 8 февраля. С. 5.

³²⁹ ГАКО. Ф. Р–330. Оп. 2. Д. 2. Л. 8–8 об.

мелочей, очерков на дурно понятую злобу дня. Вроде тех, что «О великом плане преобразования природы»; про «Бесправное положение женщины в дореволюционное время»; «Сравнительные черты быта старой царской и Красной армий»; да «Ко дню Сталинской конституции» и т.д., и т.п. Тем не менее перед нами краевед не в плохом, а в лучшем смысле этого слова. В разных печатных и, что особенно важно, архивных источниках им оказалось собрано множество разнообразнейших сведений о Курском крае с древних и до новейших времён. Этот автор первым среди местных любителей старины советского периода и, надо признать, вполне достойно, без возобладавших позднее среди «краеведов» ляпсусов и крайностей, применял «метод выковыривания региональных изюминок из исторических булок». В этом жанре Позняков напоминает плодovitейшего журналиста-историка 1890 – 1910-х гг. А.А. Танкова, о котором речь шла в предыдущей главе моей работы. Просто не все из документальных находок теперьгодились для советской печати.

Слушатели Первых историко-архивных краткосрочных курсов при Курском окружном архивном бюро. Фото 17 июня 1930 г. Из фондов ТАКО.

Среди внутриархивных информации и газетных статей Л.Н. выделяются такие как: «А.С. Пушкин и курская общественность»; «Н.В. Гоголь в Курске»; «Как проходили выборы в Государственную думу в Курской губернии»; т.п. В том же роде и цикл его военно-патриотических очерков: «Куряне в Полтавском бое (К 150-летию Полтавской битвы)»; «Куряне — суворовцы, участники перехода через Альпы»; «Курское

ополчение 1806 года»; «Куряне — участники войн 1812, 1853–1856, 1859–1860 годов»; «Белгородцы и новооскольцы — участники обороны Севастополя 1853–1856 годов»; «О патриотизме курян в 1914 году» и другие в сходном роде ¹⁷. В годы Второй мировой войны, прокатившейся и по югу России, такого рода научно-популярные материалы играли свою полезную роль в идеологической и психологической мобилизации местного населения на борьбу с врагами Родины.

Немало усилий приложил Позняков для формирования и пополнения «краеведческого иконостаса» — перечня получивших известность земляков-курян. Им выискивались в дебрях слабо описанного Истарха и обрабатывались для местной периодики архивные документы о «Коломбе росском» Г.И. Шелихове и его коммерческой деятельности в Русской Америке; астрономе-самоучке Ф.А. Семёнове; изобретателях А.М. Снегирёве и Н.К. Рутцене; художниках Е.М. Чепцове и В.Г. Шварце; учёных — академиках А.А. Байкове и И.М. Губкине; революционерах, скажем, И.Ф. Дубровинском (Артёме); философе-логике Л.В. Рутковском и прочих, достаточно колоритных по общероссийским меркам фигурах, чьи судьбы оказались тесно связаны с Курским краем. Потом обо всех этих знатных уроженцах Курского края будут неоднократно писать разные библиотекари, архивисты, журналисты, краеведы, преподаватели, инженеры, представляя самих себя их первооткрывателями. Этим компилятивщикам не хватит способностей показать, как именно условия курской жизни повлияли на характеры и судьбы знаменитых земляков. У Л.Н. Познякова такого рода аналитика обычно присутствовала. Ведь он знал старую жизнь и в провинции, и в столицах изнутри, застал её гимназистом, студентом, младшим офицером.

Между прочим, Л.Н. выявил в недрах будущего ГАКО и частично опубликовал автографы Петра I, Г.Р. Державина, Д.И. Менделеева, членов семьи Л.Н. Толстого и некоторых других знаменитостей ¹⁸.

Им же составлены *исторические справки о возникновении многих населённых пунктов, школ и учреждений области*. Так, целые мини-монографии посвящены у него конюшне-заводу элитных рысаков, дрожже-винокурному заводу, театру, некоторым другим учреждениям Курской губернии. Для каждого сюжета требовался виртуозный и длительный поиск полупотерянных по сути в недрах слабоописанного архива документов.

Тем не менее собранные трудолюбивым архивистом по крупницам за полвека документальные материалы могли быть опубликованы только частично, и то главным образом в газетах. Большая же часть позняковских рукописей составила, в свою очередь, архивную коллекцию «*Краеведческий материал по истории Курской области*», практически недвижимо лежащую

¹⁷ Список статей и заметок, составленных [Л.Н. Позняковым] в Отделе дореволюционных фондов [Истарха] в течение 1945–1950 годов // Там же. Д. 61.

¹⁸ Позняков Л.Н. Об автографах // Там же. Д. 20. Л. 1–2.

с тех и до сих пор в ГАКО. Там, среди прочего, его выписки из самых ранних писцовых, переписных, отказных книг, копии других документов XVII–XVIII столетий; справки по истории многих курских улиц и Красной площади города; о строительстве и архитектуре курских храмах, начиная со Знаменского собора. Материала здесь хватило бы на весьма познавательную книжку о местной истории и культуре. Но к 1953 году, когда он ушёл из жизни ровно в 60 лет, не нашлось в Курске знающего начальника культуры, да и краеведение ещё не реабилитировали в рамках социалистической доктрины.

Самые, на мой взгляд, оригинальные, долговечные в научном отношении материалы Л.Н. Познякова относятся к истории происхождения и первоначального развития городов и сёл Курской области. Начиная свою работу в архиве, он наткнулся на некий список XVIII столетия с грамоты конца XVII века белгородскому митрополиту — на землю по речке Грайворонке. «Прочитав бумагу, — вспоминал краевед, — я увидел, что здесь речь идёт о земле, на которую митрополит призвал и поселил [украинских] черкас из-за Днепра, образовавших слободу Грайворон — будущий город Грайворон. Факт совершенно в печати неизвестный»¹⁹. В соответствующем очерке Познякова на основании упомянутого и других вновь выявленных им документов представлена достаточно ясная картина заселения данной части края в начале Нового времени.

Другая, столь же научная работа этого автора посвящалась Белгороду. Тут краевед оттолкнулся от сохранившихся Истархом списков с писцовой книги 1626 года и с переписной 1648 года. В первой из рукописей, «кроме сведений о фауне и флоре, отражаются первые шаги по новому заселению русскими запустовавшего было [после ордынского и литовского подчинения — С.Щ.] края. Кроме того, при сравнении с переписной книгой 1648 г. ярко вырисовывается ход этого заселения, видны дочерние селения, появившиеся путём выселков из первичных материнских поселков»²⁰. Статья Познякова о Белгородском уезде XVII века представляла собой едва ли не первый серьёзный и удачный опыт по средневековой географии всего Посеймского региона. Автор статьи «пользовался и непосредственными указаниями переписной книги на леса, реки и ручьи, на хозяйство в крае, на животный мир; и топонимией, указывающей на более древнюю фауну и флору края»²¹.

Любопытные данные собрал Л.Н. и по истории самого города Курска, а также Старого Оскола, Льгова, Дмитриева; о целом ряде деревень и сёл области (например, Щетинке Курского уезда; Михайловке (Пикашевка тож) Дмитриевского уезда; Коротком). Вот показательный для добротного стиля исследований этого опытного архивариуса мемуар: «...В розысках о селе Коротком я начал с церкви. Время основания церкви повело к отводу земли

¹⁹ *Его же*. Недостатки в методике обработки [архивных дел] // Там же. Д. 2. Л. 10 об.

²⁰ Там же. Л. 11.

²¹ Там же. Л. 11 об.

для неё; отсюда я перешёл к плану и межевой книге, а дальше справка постепенно стала обрастать сведениями и если бы была надобность, она могла бы вылиться в брошюру по истории села»²². Увы, и брошюрами накопленные краеведом материалы никто не позаботился опубликовать.

И по всем остальным, упомянутым выше в связи с ним краеведческим темам, ему «пришлось сделать изыскание об исторических фактах, ещё нигде не опубликованных, из истории этих населённых пунктов»²³, по различным отделам губернского архива, которые он знал как никто другой из его предшественников и преемников.

Приходится ещё раз пожалеть, что все эти замечательные разыскания и открытия исследователя древних актов затерялись на пожелтевших страницах советских газетёнок или в архивных папках, а не были опубликованы в сборниках научных статей или монографически. Ветерану войны и труда Познякову при большевиках туда не было ходу. Поэтому многие сюжеты исторической географии Курщины пришлось потом заново рассматривать исследователям новых поколений²⁴, которые знать не знали об открытиях старого краеведа.

С другой стороны, его объективный подход к разработке проблем местной истории контрастирует с маниакальной субъективностью, судорожными метаниями между сциллой плагиата и харибдой компиляции, голой бездоказательностью выступлений многих так называемых «краеведов» последующих — 1970–2000-х годов. Вопреки фактам (по многим вопросам, открытым именно Позняковым), горе-«краеведы» наших дней ретиво настаивают на небывалой древности родных градов и весей. Так, в 1995 году был отмечен настоящими торжествами фантастический — «1000-летний» юбилей Белгорода (курского) в 1995 году, тогда как этому городу в действительности около 400 лет (царский указ о постройке здешней крепости точно датирован 1596 годом). Каковые, впрочем, также отмечались — в 1993 году. Оба раза — с подачи некоего Юрия Николаевича Шмелёва²⁵. Фигура в современном «краеведении» показательная. Человек, не получивший образования (закончить ремесленное училище Харьковского авиазавода ему помешала война), ветеран и инвалид великой войны (в конце её — бывший «следователь лагеря военнопленных»²⁶), он сумел в глазах властей переспорить научных сотрудников Археографической комиссии Академии наук и настоять на установке памятника князю Владимиру I над нашим левобережным Белгородом (тогда как основанный крестителем Руси

²² Там же. Л. 2.

²³ Там же. Л. 21.

²⁴ См.: *Борищук Н.Д.* Эволюция государственной системы учёта населения России в XVII – XIX столетиях (На материалах Курского края). М., 2010.

²⁵ См.: *Шмелёв Ю.Н.* Тайны Белгородского треугольника, или Страницы жизни из трёх тысячелетий истории русов: Расследование краеведа. М., 1995.

²⁶ См.: *Очинников В., Пархоменко И., Пальваль В.* Шмелёв Юрий Николаевич // Белгородская энциклопедия (Интернет-сайт).

его тёзка Белгород правобережный находился возле Киева). Местные и столичные чиновники не вняли тогда протестам учёных ²⁷, а пошли на поводу у малограмотного, но фанатичного фальсификатора истории. Правда, запросы белгородских властей на такое торжество одобрили два академика — Б.А. Рыбаков и Д.С. Лихачёв, известные сервиллисты. Первый из них уже добился отмечания фантастического юбилея Киева, а второй в те поры глубоко вошёл в роль «главного интеллигента» и поддерживал все инициативы с мест без разбора. Федеральный указ об этом юбилее подписал премьер-министр В.С. Черномырдин.

*«Памятник краеведу» на центральной аллее парка культуры и отдыха имени В.И. Ленина. Белгород. Кованая медь. 2006 год.
Работа Анатолия Шишкова.*

В тех областях, где настоящих учёных было побольше и они оказались поавторитетнее, атаку «краеведов» на региональную историю удалось отбить. А именно, в университетском, как-никак, Воронеже и тяготеющем к нему академически Липецке (все специалисты по древней истории и археологии там заканчивали Воронежский университет). Лидер воронежских краеведов А.М. Аббасов и иже с ним настаивали на летописном прошлом этого города, так же как и Липецка, но тамошние власти вняли приглашённым из столицы специалистам из Академии наук, её институтов археологии и российской истории.

²⁷ См.: Раздорский А.И. По поводу «1000-летия» Белгорода // Отечественная история. 1997. № 5.

Громогласно требовали «краеведы» новейшей формации и празднования 1100-летия 985-летнего по непредвзятым источникам Курска. Особую активность в этом вопросе проявил учитель-пенсионер Никита Владимирович Рязанов, наводнивший в своё время газеты и властные инстанции соответствующими заявлениями о небывалом старшинстве родного города.

Как видно, современные «краеведы» отличаются в худшую сторону от краеведов довоенных. Те тоже могли не занимать институтских или музейных должностей, но заканчивали настоящие гимназии и университеты. Там не только сообщили им сумму знаний по истории да археологии, но и сформировали критерии научности мышления. Человек, не читающий летопись или житие в оригинале, и думать не посмел бы о том, чтобы публично высказываться на соответствующие темы. Точно такое же образование было до революции у губернского начальства, почему оно могло здраво судить о памятниках старины. Нынешний краевед, как правило, убог физически и умственно. Советские пединституты уже не учили палеографии да древним языкам. В краеведение ринулись практически необразованные лица. Они стали не помощниками, а конкурентами, врагами учёных и музейных работников. Многие новоявленные «краеведы» нашли общественную поддержку — не только опубликовали за казённый или спонсорский счёт свои опасные опусы, но и получили почётные звания, защитили диссертации. Тот же Шмелёв — почётный гражданин Белгорода (1990), недавно ушедший от нас глава курских краеведов Юрий Бугров — кандидат исторических наук. Оба они — заслуженные работники культуры РФ. Шмелёву в Белгороде даже поставили памятник. Точнее, он послужил его прототипом. По-моему, это первый в нашей стране памятник краеведу вообще. Если принять во внимание мой рассказ о судьбах краеведения, символ весьма печальный — вырождения этого многообещавшего вначале общественного движения, так и не состоявшегося института гражданского общества в России.

К прискорбию для науки и просвещения, добротные работы Л.Н. Познякова и некоторых его коллег по прежнему Обществу краеведения никто и не думает издавать, а чудовищные выдумки позднейших «краеведов» массово тиражируются и в периодике, и отдельными изданиями, засоряют читательское сознание фантастической информацией ²⁸.

²⁸ См. (со скептической осторожностью!) образчики множества псевдоисторических публикаций на темы отдалённого прошлого южнорусского региона нынешних авторов, присвоивших себе звание «краеведов»: *Пархоменко И.* Белгород: год основания..? // Воронеж. Историко-краеведческий сборник. Воронеж, 1993; *Шмелёв Ю.Н.* Тайны Белгородского треугольника, или Страницы жизни из трёх тысячелетий истории русов: Расследование краеведа. М., 1995; *Рязанов Н.В.* Сколько же Курску лет? // Городские известия. 1995. 7 октября. С. 1, 4; *Его же.* Когда основан город Курск? (Полемические заметки краеведа) // Курск. Документы. Воспоминания. Статьи / Отв. ред.

*Бывший президент «Курского областного научного краеведческого общества»
Ю.А. Бугров открывает очередное мероприятие Государственного архива
Курской области. Фото с сайта ТАКО.*

Разумеется, условия жизни и работы культурных краеведов довоенных поколений бросали определённую тень и на их творчество. Чем дальше от

и сост. А.Ю. Друговская. Курск, 1997; Аббасов А.М. Вехи древнего Воронежа. Воронеж, 1995.

См. и печатные отповеди учёных-историков на некоторые их этих и т.п. вредных фантазий «краеведов»: Винников А.З., Синюк А.Т. По дорогам минувших столетий. Археологи о древней истории Воронежского края. Воронеж, 1990. С. 270–281; Загоровский В.П. Историко-географические и историко-демографические последствия Ливонской войны для территории современного Центрального Черноземья; Солодкин Я.Г. О времени основания и первоначальном местоположении Белгорода // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. М.–Курск, 1994; Акинъшин А.Н., Ласунский О.Г. Воронежская историческая регионология на современном этапе // Исторические записки. Научные труды исторического факультета [ВГУ]. Вып. 2. Воронеж, 1997.

Наконец увидели свет издания, специально посвящённые опровержению методических изъянов псевдоисторических опусов и наиболее известных (на рынке бульварной беллетристики) сегодня фальсификаторов отечественной истории – А. Фоменко, Э. Радзинского, А. Аджиева и Н. Шахмагонова. См.: Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д. История России в мелкий горошек. М., 1998; Елисеев Г.А. Ложь, выдумки, Великая Степь // Русское Средневековье. Духовный мир. М., 1999; Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д. История на продажу. Тупики псевдоисторической мысли. М., 2005.

царских времён уползала колея мирной службы Познякава-архивиста, тем большее место в его краеведческих штудиях занимали революционные и советско-патриотические сюжеты, тем мрачнее выглядел в текстах, выходящих из-под его пера, старый Курск. Среди подготовленных им после войны служебных информации и газетных заметок выделяются: «Неурожай 1891 года в губернии и “помощь” пострадавшему от него населению»; «О состоянии здравоохранения в Курской области [? — С.Щ.] до революции»; «Первые пионерские отряды в Курске»; «Первая конная армия»; «Граурные ленинские дни в Курске в 1924 году»; «О пребывании П.А. Заломова в Судже в 1906 году»; «Борьба за коллективизацию сельского хозяйства в Курской области»; т.п.

Ещё Позняковым был составлен пухлый альбом, имевший целью «наглядно ознакомить широкие массы курского населения с историческим прошлым Курской области ... исключительно по рукописным и печатным материалам, хранящимся в Курском облгосархиве»²⁹. Схемы и диаграммы этого издательского макета о том, «как куряне реагировали на главнейшие исторические события, как они боролись, трудились и несли жертвы на защиту Родины в течение нескольких столетий», так и не увидели света. Скорее, к лучшему. Идеологические мифологемы («Первый и второй приезды Сталина», «Курск в пятилетках» и т.п.) почти не оставляли на страницах документального альбома места для правдивой истории края. Символичен избранный составителем эпиграф из речей позднего Максима Горького: «Радостно жить и бороться в стране, где великая воля её вождя Иосифа Сталина навсегда освобождает человека от проклятых навыков и предрассудков прошлого».

Однако этот же самый архивист, поседевший над документами, оставался по своей натуре сложнее и глубже простых советских трафаретов, которыми пестрит список его краеведческих публикаций. Конечно, с волками жить — по-волчьи выть. Но вот официозным коммунистическим новоязом Позняков так и не овладел — писал правильным русским языком, без так называемого канцелярита, столь глубоко въевшегося в стиль большинства современных краеведов, да и учёных-гуманитариев. А ведь для них, в особенности историков, стиль письма — далеко не последнее из профессиональных качеств. К примеру, Л.Н. означивал инициалы своих персонажей только перед их фамилиями, но никак не после, что утвердилось в эпоху всевозможных списков на талоны, карточки, очереди и т.п. Бедняге приходилось то и дело исправлять устаревавшие на его веку выражения. Скажем, Петра Великого на просто «Первого», «Екатерининское время» на нейтральный «XVIII век» (а нынешний краевед запросто пишет в книжке о

²⁹ ГАКО. Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 43. Л. 68.

своих археологических находках: «На такое блюдо можно было *ложить* сухую пищу...»³⁰).

В позняковских текстах за обычными для 1920 – 1950-х гг. прокоммунистическими клише на внимательный взгляд просматриваются добротные принципы исследователя-историка. Он всячески оберегал — и уберёг, отстоял перед начальством и некоторыми ретивыми сослуживцами свой обширный отдел дореволюционных фондов. Осторожно, но твёрдо, хитро отводил неоднократные претензии в «неактуальности», «устарелости», «отсталости от жизни» и, значит, «макулатурности» документов дореволюционных учреждений и лиц («царских сатрапов», «лакеев самодержавия» и т.п. пугал советской историографии).

Участники I-го областного совещания архивных работников. Фото 1935 г. Курск.

*Участники Первого областного совещания архивных работников. Курск,
Фото 1935 года. Из фондов ГАКО.*

В самый разгар нападок на всякое непроизводственное краеведение, на совещании окружной плановой комиссии 25 августа 1928 г. «тов. Позняков (Архбюро) подчёркивал, что в Архбюро сконцентрированы богатейшие архивные материалы. Среди них есть интереснейшие документы-уники, восходящие к XVII и XVIII векам. Пока все они лежат под спудом, без

³⁰ Николаенко А. Северо-Западная Хазария или Донская Русь? (Древности Приоскольской лесостепи в заметках краеведа). Волоконовка, 1991. С. 51.

научной обработки. Используя этот материал, можно бы дать целый ряд монографических исследований. ... Например: крестьянские движения ... , крепостное право в Курской губернии, экономическое положение населения»³¹.

Экивоки насчёт социально-политического заострения местной истории тогда не помогли. Краеведческое движение в центре и на местах власти скоро разгромили под предлогом его «односторонне-исторической» и даже контрреволюционной направленности. Так, одного из членов ЦБК, Н.П. Анциферова, доведя изнурительными допросами и многомесячным заключением в одиночной камере до галлюцинаций и кошмаров, следователь вынудил к полупризнанию именно такой «вины» подведомственных ему краеведов из провинции: «Возможно, что мы слишком увлекались историей края и в этом отношении отвлекали краеведов от современности, от задач производственного краеведения». Эти слова чекисты тут же истолковали в нужном им ключе, от себя добавив: «И таким образом шли вразрез с требованиями социалистического строительства, а следовательно, ваше направление, как признавали ваши товарищи [в том числе арестованные в Курске — С.Щ.], было вредным»³².

Хорошо зная эту «вину» и печальную судьбу своих друзей по Курскому краеведческому обществу, репрессированных на его глазах, Позняков всё же не сбежал из родного города куда подальше от своей репутации опытного историка-краеведа (как археолог Л.Н. Соловьёв или же историк В.И. Стрелков, ставший Стрельским) и не прекратил соответствующих исследований, публикаций (как историк А.А. Танков или нумизмат Т.А. Горохов). Стремясь парировать прагматически понятый и навязываемый его сослуживцами принцип актуальности архивного документами, старый архивист и четверть века спустя после чекистского «Дела краеведов» доказывал: «... Фонд сегодня неактуальный, завтра может оказаться актуальным; это зависит от вопросов, которые ставит жизнь, а вопросы эти она может ставить совершенно неожиданные». И приводил неотразимый для тех дней аргумент: «Например, в общем история заселения нашего края изучена, следовательно, работы по этому вопросу “неактуальны”, а между тем работа тов. Сталина по языкознанию, выдвинувшая на первое место значение Курско-Орловского края, показывает, что пожалуй надо поближе познакомиться с фольклором нашего края, а он тесно связан с вопросом, кто, когда и в каких районах поселился впервые в нашем крае»³³.

Напомним, что по ходу известной дискуссии 1950 года о языкознании, инспирированной и возглавленной самим Сталиным, вождем, подыскавший толковых консультантов, допустил не так уж много грубых с научной точки

³¹ ГАКО. Ф. Р-330. Оп. 2. Д. 2. Л. 3.

³² Анциферов Н.П. Из дум о былом. Воспоминания. М., 1992. С. 361.

³³ ГАКО. Ф. Р-330. Оп. 2. Д. 2. Л. 3.

зрения ошибок. «Одной из них было упоминание в ответе Санжееву о некоем “курско-орловском диалекте” как опорном для русского литературного языка. Откуда он взялся, неясно»³⁴ даже для специалистов. «На основе гениальных положений товарища Сталина» некоторые советские филологи и историки немедленно начали писать новые диссертации и монографии, в том числе по “курско-орловскому диалекту”»³⁵. После 1953 года их уже считали курьёзами, не более.

* * *

«Спору нет, мистер Бэггинс, личность вы превосходная, и я вас очень люблю, ... но не забывайте, пожалуйста, что мир огромен, а вы персона не столь уж крупная!

— Ну и прекрасно! — засмеялся Бильбо. — зато у меня отличный табачок! — И протянул волшебнику табакерку».

*Дж.Р.,Р. Толкиен.
Хоббит, или Туда и снова обратно.
Перевод Н. Рахмановой.*

Жизненный выбор краеведов 1920 – 1950-х годов оказался различен. Одни без сколько-нибудь серьёзных компромиссов с властями от начала до конца отстаивали свои принципы объективной научности и высокой духовности. Почти всех этих гордых людей навсегда поглотил ГУЛАГ. Некоторые из подобных же упрямец замкнулись в домашнем мирке, перестали публиковаться, встречаться с коллегами. Их коллекции, архивы, библиотеки, как правило, рассыпались. Впрочем, какая-то часть частных собраний была подарена или завещана музеям. Другие местные историки полностью отказались от «старорежимных» принципов и на словах, и на деле. Начали воспевать социалистическое строительство, закрывая глаза на убиваемых этим режимом и в деревне, и в городе земляков (в 1990-е годы курские газеты начали систематическую публикацию списков жертв политических репрессий — кого только по возрастам, национальностям, профессиям, сословиям, характерам среди них нет!). Публичное служение «марксистской обедни» спасло далеко не всех представителей старой интеллигенции.

Заслуживает внимания историков линия поведения, образцом которой может считаться Л.Н. Позняков: компромиссы, которые никому по большому счёту не вредят, но позволяют сохранить «неактуальные» до поры, до времени ценности отечественной культуры. Дореволюционные фонды

³⁴ Алпатов В.М. История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991. С. 188–189.

³⁵ См., например: Зикеев Г.И. Население Курско-Орловского края в XVII веке (К истории формирования русской нации). Автореф. дисс. ... канд. ист. н. Л., 1953.

Истарха при нём, вовремя записавшемся в советские краеведы, избежали секвестраций по партийно-политическим заказам; немецкие оккупанты вняли призывам как-никак дворянина и всё-таки бывшего царского офицера и чиновника Познякова и не сожгли архива целиком, как собирались, не вывезли при своём отступлении документов первых советских учреждений, как они сделали это в ряде других захваченных областей, начиная со Смоленской. Не окажись на этой должности в те времена такого именно человека, Курск потерял бы многие документы своей Новой и Новейшей истории.

На протяжении всех лет работы в архиве маститый краевед вёл картотеку-алфавит. Сообщая об этом своим молодым сотрудникам, он пояснял: «Записываю в него данные по истории края, о деятелях науки, искусства и прочее. Что бы только ни останавливало мое внимание, даже разные мелочные указания, я заносу в него, не задумываясь вопросом об их актуальности на сегодняшний день... Яркий документ всегда пригодится. ... Это — накопление капитала знаний архива»³⁶.

Леонид Николаевич Позняков — русский интеллигент-подвижник доброй старой закалки — действительно оставил своим землякам-курянам замечательный запас исторических знаний. Причём он умудрился скопить его в те времена, когда все частные капиталы в стране конфисковывались властями. Не так трудно было тогда отнять недвижимость, национализировать вклады в банках, убить саму жизнь. Куда сложнее оказалось изъять собственность нравственную да интеллектуальную. Именно благодаря таким накопителям знаний, как Л.Н. Позняков, культуру русской провинции так и не удалось полностью «перековать для нужд коммунистического строительства».

³⁶ ГАКО. Ф. Р-330. Оп. 2. Д. 46. Л. 9.